

Кондурация, или КАК ПОНИМАТЬ ДЕЛО PUSSY RIOT

ГАСАН ГУСЕЙНОВ

Когда в 1967 г. «Вопросы литературы» напечатали нашу со Щеголовым статью в дискуссии о кибернетике и литературоведении, Мельчук, услышав, что этому способствовал редактор отдела теории некто Ломинадзе, вскричал: «Морально-политический урод?!» — «Почему? Он симпатичный дядька». Оказывается, в «Кратком курсе» есть упоминание о «морально-политических уродах типа Шацкина и Ломинадзе» (причем последний — отец нашего редактора). Забавно, что знакомство с Ломинадзе, приведшее к публикации, началось тоже с соответствующей цитаты. Обратиться к нему посоветовал В. В. Иванов, сказав: «Есть у них один чудесный грузин...»

Жолковский А. К. Инвенции. Сборник статей разных лет. М.: Гендальф, 1995. С. 165. «Чудесный грузин» — высказывание Ленина в письме Горькому о Сталине, вошедшее во все биографии последнего.

ВЫДЕРЖКЕ из воспоминаний А. Жолковского мы имеем дело с ироничным, рефлексивным, интроспективным и, конечно, личным самоанализом. А теперь попробуем, после паузы, представить себе общество, которое живет по этим заветам без самоанализа, не рефлексивно, а рефлекторно. С одной стороны — «морально-политический урод», с другой стороны — «чудесный грузин» (понятно, что национальность в данном случае для нас значения не имеет). Просто с одной стороны — враг, с другой — свой. Хоть разговор у нас пойдет о текущем скандале, но начать приходится издалека.

Психические механизмы обращения к Сталину и сталинизму через язык можно объяснить по-разному. Например, в оптике так называемого нейролингвистического программирования нам указали бы на сложившийся в условиях террора перформативный слой, который предполагает за каждой сталинской паремией особую «картину мира»: говорящий высказывает генеральное согласие с устройством мира, даже несмотря на свое

субъективное отвращение к этому устройству¹. В качестве примера такого перформатива можно привести народную поговорку, которую носители языка, тем не менее, связывают с именем Сталина: «Лес рубят — щепки летят».

Для того чтобы избавить пациента, десятилетия назад ушибленного формулами «лес рубят — щепки летят», или, скажем, «сын за отца не отвечает», «кадры решают всё», «ликвидация, а не вытеснение», «мы живем по формуле Ленина: кто кого», «логика вещей сильнее логики человеческих намерений» и т. д., так вот, чтобы избавить пациента от этой травмы, нужно показать ему эти формулы как поправимый вывих его сознания, а не как проектное устройство вселенной. Человек, может быть, постепенно свыкнется с мыслью, что это лично его покалечили, а мир — мир устроен иначе. Почему этот показ не доведен в России до сколько-нибудь разумного результата?

В годы перестройки многие публицисты, философы, писатели, деятели кино и пытались провести нечто вроде сеанса коллективной и даже массовой психотерапии, разоблачая сталинскую риторику, основанную на подобных сигналах, как насквозь лживую и манипулятивную (от Александра Солженицына и Анатолия Рыбакова в их хрестоматийных уже книгах 60-х — 70-х гг. до Михаила Вайскопфа² и Тенгиза Абуладзе). На последние годы СССР пришелся и пик интереса к НЛП. При этом маятник массового спроса колебался между «психотерапевтическими практиками» и «теорией заговора». Следы этого колебания мы можем увидеть в самых неожиданных концепциях — от выявления православных корней в советских социальных практиках Олега Хархордина³ до моей собственной гипотезы «полуязычия», сложившейся в конце 1970-х — начале 1980-х гг. и основанной, как я теперь понимаю, больше на идеях Харальда Вайнриха⁴ и теории речевых актов и интенциональности Джона Сёрла, чем на эмпирическом материале советского лингвистического эксперимента⁵.

Общим в разнообразных трактовках сталинской риторики было базовое (и по большей части, к сожалению, ошибочное) представление об ее искусственности, антиорганичности, враждебности «настоящему языку». В терминологии сталинистов его перформативы тоже, конечно, искусственны, но — в сугубо

1. *Bandler R., Grinder J. The Structure of Magic I: A Book About Language and Therapy. Palo Alto, CA: Science and Behavior Books, 1974. P. 15.*

2. См.: *Вайскопф М. Писатель Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2002.*

3. См.: *Kharkhordin O. The collective and the individual in Russia: a study of practices. Berkeley, CA: Univ. of California Press, 1999.*

4. См.: *Weinrich H. Linguistik der Lüge. Heidelberg, 1966.*

5. См.: *Гусейнов Г. Ложь как состояние сознания // Вопросы философии. 1989. № 11.*

положительном смысле: они, дескать, по-новому организуют общество, позволяют выстроить из сырой массы продуманное архитектурно-инженерное сооружение.

Сталинский формульный язык оказался, однако, совершенно не задетым ни коллективными заклинаниями (или конъюративными стратегиями), ни попытками его разоблачить, осудить и выразить сочувствие жертвам (кондемпнаторные и кондолесцентные стратегии). В «сталинскую» риторику, как сейчас бы сказали, оказалась «зашита защита» — ее глумливая, стебная природа, доступная так называемому простому грубоватому человеку. Эта ее природа (об ее этиологии многое сказано, в частности, в книгах Льва Троцкого, Михаила Вайскопфа, Олега Хархордина и др.) стала востребованной в условиях технологической революции последнего десятилетия. Основной смысл этой революции для сталинизма как речевой практики состоит в создании питательной среды, в которой сталинские мемы закрепляются в невероятном разнообразии форм. Это закрепление, по аналогии с названными выше, точнее всего было бы назвать кондурацией (от лат. *condurare* — делать прочным, твердым, а также закалять).

За годы, прошедшие со времени смерти Сталина, явление радостного подавления сознания, которое считается наиболее характерным признаком сталинской социальной практики, воплощенной в его языке, отбрасывает тень все дальше в прошлое. При этом, с одной стороны, в «сталинизме» политико-идеологическом можно обвинить мыслителей, центральным мотивом творчества которых была магия языка. Например, Хайдеггера, Платона или Горгия. С другой стороны, в сталинском «диалектическом материализме» можно усмотреть развитие греческой софистики. До тех пор пока эти процедуры остаются в области интеллектуальных упражнений, они вписываются в кондемпнаторную или кондолесцентную стратегии.

Но как только «знанием» о «сталинизме Горгия» или о «сталинизме Платона» начинает делиться сетевая поисковая машина, мы попадаем в область кондурации. Это явление наблюдается и тогда, когда неверно или нарочито ложно употребленное слово порождает в не задумывающихся, механически повторяющих его людях мотивацию к насильственному действию.

Конечно, Сталин далеко не единственный персонаж, оживленный, против ожиданий, в новую эпоху и как бы вновь переведенный из мертвых в вечно живые. И все же живучесть именно его формул поражает воображение. Важно понять коллективную прагматику, лежащую за речевыми формулами. Центральное место занимает здесь практика насильственного физического действия в ответ на действия символические. Здесь

есть две стороны. Одна — убежденность носителя формулы в наличии идеальной высшей инстанции, которая дает причастному к ней лицу право на вынесение карающего суждения. А за что можно карать всегда? Ясное дело — за «предательство» и за «кощунство».

Тяжелый неправовой консенсус оправдывает поведение садистов в полицейском участке, но не прощает выступления зубастых молодых женщин из Pussy Riot против лицемерия и цинизма, к которому давно притерпелось мнимо взрослое общество. Этот консенсус объединяет уж очень многих. Слово «кощунство» произносят даже те, кто должен был бы понимать, что этот термин так же нелеп в устах человека светского, как слово «флогистон» в устах физика. Если и, правда, кощунство, отлучите девчонок от церкви, предайте анафеме. Поставьте на фейсконтроль обученную машину, которая впредь не будет пускать их на сакральную территорию, отчужденную в пользу высокого сообщества у тех, кто несколько десятилетий назад плескался в бассейне «Москва» на этом самом месте, месте другого несостоявшегося сакрального сооружения, где перед тем снесли другое сакральное сооружение...

Никаких физических последствий, даже общественного порицания, действие Pussy Riot иметь и не могло бы, если бы большинство людей понимало, каким попранием закона является содержание их под стражей после вывода из помещения церкви. Но большинство как раз этого не понимает. Большинству людей все-таки хочется хоть как-то наказать за кощунство, оштрафовать или поколотить провинившихся. Некоторые хотят выпороть побольнее. Или лишить родительских прав. Или отдать на поругание «мусульманам». На годы отправить в тюрьму. Твердо зная, что в этой тюрьме надзиратели насилуют людей бутылками из-под шаманского.

Иначе говоря, общество хочет ответить возможно более грубым физическим насилием тем, кто ненасильственно обнажил большое общественное лицемерие. Против вот этой страны «угрюмых нехристей» (Н. В. Тимофеев-Ресовский), изображающих из себя верующих христиан, и бунтуют Pussy Riot. Кстати, это как-то непатриотично — пользоваться английским словосочетанием. Надо перевести поточнее. Riot это понятно: беспорядки, волнения, бунт. Теперь Pussy. Ну, как бы да, киска-пиписка. Вот и перевод: «Бунтующая пиписька». Бунтующая и против садистов-тюремщиков из казанского «Дальнего», социально близких и кое-какой (мы не знаем точно, какой именно) части чиновничьего аппарата, и очень большой части российского общества. Кто же эти люди, адресаты акции БП? Во-первых, это те, для кого задержанный, заключенный становится человеком

только тогда, когда это он сам или его родственник, родной человек. А когда это другой, чужой, незнакомый, то что уж тут — тогда с ним, преступником, можно и нужно обращаться так, как эти, из «Дальнего».

Отсутствие эмпатии приводит к интеллектуальным потерям. Перестают различаться модальности. То, что, согласно сообщениям СМИ, регулярно делали со своими жертвами тюремщики из казанского «Дальнего» и, скорее всего, не только там, предлагают сделать с Бунтующими Пиписьками многочисленные комментаторы российской блогосферы. Даже не хочется приводить примеры. Это — те же люди, которые в Москве, в детской поликлинике, в очереди, сказали на днях многодетной матери и дочери священника: «Ой, да вас, многодетных, нужно прямо отстреливать, а то и сами не живете и другим жить не даете!» Даже если бы это было сказано в шутку, а не в сердцах, сам этот ход мысли является симптомом состояния сознания, которое очевидно выходит далеко за пределы приемлемой нормы.

До тех пор, пока судебно-карательная машина вырастает из такого состояния сознания большинства населения, бессмысленно требовать реформ этой машины от властей. Люди, которые верят в то, что «кадры решают всё», что «лес рубят — щепки летят», что (это уже горьковское!) «если враг не сдастся, его уничтожают», ну и вообще, что символы и слова дороже чужой жизни, люди, которые верят в свое и своих властей право физически карать за символические действия, эти люди едва ли могут получить помощь даже от очень хорошего психоаналитика и терапевта. И спрятаться от этих людей невозможно, потому что их, вероятно, все-таки большинство. И они могут подстерегать вас в облике чадолюбивой бабушки из поликлиники.

Время само поставило эксперимент с россиянами: против Бунтующих Пиписек не высказался только ленивый, но что-то не слышно столь же громкого требования к властям проявлять милосердие к своим заключенным и арестованным. Как мы знаем, осуждаемым слишком часто неправосудно, как убитого в тюрьме Магнитского или вот только что свежееосужденного Алексея Козлова.

У этого большинства есть, возможно, только две решающие слабости, которые и сулят поражение такой общественной системе: они продажны и они не доверяют друг другу. Вот почему для кондурации сталинского карательного опыта его наследники так налегают на православие и с такой жадностью аппроприируют религиозные ценности, направо и налево раздавая украденный символический капитал, лишь бы никто не заметил подмены. Но рано или поздно подмена все равно обнаруживается. И как раз в моменты некоторого перегибания палки со сто-

роны гражданских протестантов. В то время как одни влиятельные представители церкви вполне готовы обсуждать случившееся в либеральном духе (как тот, кто придумал полезное слово «панк-молебен»), светский суд как раз начинает видеть свою задачу в том, чтобы найти для ничтожного в правовом отношении деликта — «кощунства» — как можно более жестокую кару. Некоторые толкуют это так: мужи церкви дают государственным мужам в лизинг аргумент «кощунства». Но это все надо доказывать.

Пока же нет согласованных правил для диалога церкви и общества, а есть символическая колкость, провоцирующая на жестокость не только карательные органы, но и мутное общественное бессознательное. Что делать с этой драмой жестокосердия, не знает никто. При этом нельзя сказать, что карательная машина не умеет быть милосердной. Очень даже умеет! 19 марта 2012 года пришло такое сообщение: «Бывшие сотрудники патрульно-постовой службы Вячеслав Егоров и Максим Сердюков признаны виновными в превышении полномочий с применением насилия и спецсредств, повлекшем за собой тяжкие последствия. Егоров получил четыре года условно, а Сердюков — пять лет условно». Это очень хорошая новость: оба уволенных смогут в ближайшие 4–5 лет научиться вести себя по-человечески. Но милосердие карательной системы все-таки избирательное, проявляемое только к самим карателям. Дело не в том, чтобы к обоим бывшим членам карательной корпорации применять такие же суровые меры, как к Бунтующим Пиписькам, а в том, чтобы Бунтующие Пиписьки были прощены и выпущены на волю. Но милосердное действие не может, судя по всему, опираться на инстинкт доброго пастыря. Надо сначала понять, как устроен механизм ненависти к Бунтующим Пиписькам. Иначе говоря, почему из-под маски добрых пастырей вырывается рык врага рода человеческого.

По своему видимому устройству ненависть, испытываемая оскорбленной общественностью к «кощунству» Бунтующих Пиписек, опирается на представление об их «враждебности», «чужеродности» и даже «засланности». Нам говорят, что возмутительницы спокойствия «на самом деле» являются авангардом бездуховного большинства, бесхребетного и потому управляемого каким-то зарубежным или внутренним врагом. При таком взгляде борьба с Бунтующими Пиписьками превращается в сознании их противников в героическое сопротивление духовного меньшинства бездуховному большинству. Чем более жестокой окажется кара, обрушенная на головы этих девушек и молодых мамаш, тем выше, дескать, будет общественное достоинство немногочисленных храбрецов. Ведь они — «защитники духов-

ных ценностей» от легиона «проплаченных предателей» и иных врагов.

Механизм подмены — объявления себя стойким духовным меньшинством перед лицом разнузданного, но духовно ничтожного большинства — показан в следующем рассуждении:

Духовное возрождение церкви — неоспоримая действительность. Российские православные, прекрасно утверждают эту новую действительность. Церковь поставила перед собой грандиозную задачу, и ее концентрированная энергия успешно решает ее. Трудности решения — огромны, но, когда хочешь, — можешь! Двадцать лет назад церковь, безоружная, ограбленная, вышвырнула из храмов коммунистов, вышвырнула оккупантов.

За двадцать лет, работая над возрождением Православия с небольшим количеством честных, искренно преданных ей священнослужителей, прослоенных множеством гнусных предателей, которые отвратительно компрометируют и своих братьев и даже самое веру, работая в атмосфере ненависти либералов, в змеином шипении «механических граждан», которые злорадно подмечают все мелкие ошибки, недостатки, пороки, работая в условиях, о тяжести и ужасе которых Она сама еще не имеет ясного представления, — в этих адских условиях Она развила совершенно изумительное напряжение подлинно возрождающей и чудотворной энергии.

Для людей старшего поколения узнаваем не только стиль, но и прямой источник этого знаменитого пассажа. Да-да, это из основополагающей статьи Максима Горького, напечатанной под двумя разными заголовками в «Правде» и «Известиях» 15 ноября 1930 года. В «Правде» она называлась «Если враг не сдастся, его уничтожают», в «Известиях» — «Если враг не сдастся, его истребляют». Полноценным «сталинизмом» этот лозунг стал после того, как его в 1942 году процитировал в приказе № 55 И. Сталин, переведя стрелки с внутреннего врага на гитлеровскую Германию. Для перелицовки цитаты под сегодняшние нужды мне довольно было чуть-чуть изменить датировку (вместо 13 лет — 20), заменить слово «пролетариат» словом «Церковь», а слово «буржуазия» словом «либералы». Все остальное — от «духовности» до «чудотворной энергии» — осталось от горьковского оригинала:

Духовное возрождение пролетариата во всем мире — неоспоримая действительность. Рабочий класс Союза Советов, идя впереди пролетариев всех стран, прекрасно утверждает эту новую действительность. Он поставил перед собой грандиозную задачу, и его концентрированная энергия успешно решает ее. Трудности решения — огромны, но, когда хочешь, — можешь! Де-

сять лет назад рабочий класс, почти безоружный, разутый, раздетый, голодный, вышвырнул из своей страны богато вооружённые капиталистами Европы белые армии, вышвырнул войска интервентов.

За тринадцать лет, работая над строительством своего государства с небольшим количеством честных, искренно преданных ему специалистов, прослоенных множеством гнусных предателей, которые отвратительно компрометируют и своих товарищей и даже самую науку, работая в атмосфере ненависти мировой буржуазии, в змеином шипении «механических граждан», которые злорадно подмечают все мелкие ошибки, недостатки, пороки, работая в условиях, о тяжести и ужасе которых он сам еще не имеет ясного представления, — в этих адских условиях он развил совершенно изумительное напряжение подлинно революционной и чудотворной энергии.

Вызверить и мобилизовать общество против меньшинства, объявив его представителей видимым острием невидимой темной силы, довольно просто. Тому же, как загнать эту энергию ненависти обратно в сумеречное подполье коллективного бессознательного, нигде не учат.

Преследование отслуживших «панк-молебен» Бунтующих Пиписек имеет и еще одно измерение — культурное. Во все хрестоматии по средневековой литературе включают миракль 13 века под названием «Жонглер Богоматери», по мотивам которого написано впоследствии несколько более знаменитых музыкальных и литературных произведений (например, новелла Анатоля Франса или камерная опера Маснэ). Смысл произведения: Богоматери любезен не только и даже не столько тот, кто умеет молиться по всем правилам и знает грамоту, сколько тот, кто может превратить в чистосердечную молитву свое мирское умение, пусть и такое несолидное, как шутовство. О чем можно взмолиться к Верховной силе? О еде и питье, об избавлении от чего-то, что никак не хочет уйти само. Ну так они это и сделали. Они обидели должностное лицо, но вовсе не оскорбили Ту, к Которой обращались.

Те, кто внимательно просмотрел и прослушал в записи «панк-молебен» в Елоховской и Храме Христа Спасителя, утверждают, что эта социально-художественная акция соответствует исключительности храмового пространства куда больше, чем любая проповедь насилия, особенно произнесенная священнослужителями. Выступление Бунтующих Пиписек выдержано вполне в стиле молодежных христианских тусовок последних двух-трех десятилетий. Вот как написал об этом в международной сетевой дискуссии SEELANGS (20.03.2012) профессор Виктор Дмитриев:

Благодаря вашим спорам, господа, нашел я видеоролик с этими несчастными девушками, против которых был очень даже настроен и не мог прийти в себя от глубокого потрясения. Как запели они своими чистыми прекрасными голосами «Богородица, Путина убери», так у меня мороз по коже пробежал. Их Сама Богородица в этот Храм послала (оболганный, поруганный, делящий черт знает с кем пространство свое небесное). Богородица, убери Иуду, который писал доносы на своих однокурсников, который опутал подслушками Ельцина, что тот шагу сделать не мог ни вправо ни влево, никого толком не мог пригласить, ни с кем не мог толком поговорить, ибо знал что крошка Цахес облепил его своими липкими нитями... И о чем, конечно, молчал... И что все эти рок-звезды, прыгающие по сцене или переминующиеся перед микрофонами, будто показывая, что хотят в туалет, да из-за песен не могут; что этот пресловутый Майк Джагер, с его плохим голосом, мертвой душой и никаким актерским дарованием?.. Что эти наши американские рэповцы, поющие свои песни как бы протеста, одетые в шикарные полуспушенные штаны, шелковые рубашки и какие-то фасонистые кепки, что они все, эти шуты гороховые, рядом с этими девчонками, которых кто-то удачно сравнил с юродивыми... А если вам это сравнение не нравится, то представьте себе, что вот услышала толпа, как юродивый сказал Годунову: «Нельзя молиться за царя Ирода, Богородица не велит», и стала собирать подписи, чтобы патриарх как можно строже наказал не только самого юродивого, но и тех, кто просит царя простить бедолагу за такую дерзость... Вот и выяснилось, что Церковь с ее иконостасом, царскими воротами, амвоном — самое ТО место для рок-музыки; что рок — великое музыкальное открытие двадцатого века, что рок-н-рол и «Господи помилуй», «Богородица убери...» — близнецы-братья, идут рука об руку... Это пророчество о конце света, о реальном, всамделишном апокалипсисе, это плач к Богородице и отчаявшаяся ругань в адрес зла... Храм Мой, храмом молитвы наречется..! Жалко, что никого не знаю в мире рока, жалко, что уже никого не знаю в мире церкви, а то бы просил всех певцов, всех иерархов присылать деньги в поддержку семей этих девчонок, наших новых святых, вымученных Россией, а народ пусть молится за них, да покрепче... Когда это случилось? Какого марта? Не помню, но знаю одно: в этот день Храм Христа Спасителя был освящен не в шутку, а всерьез...

Как видно, здесь наметилось противостояние, религиозное содержание которого оценивается в зависимости от политической ориентации говорящего. Через несколько дней после того, как события в московских храмах стали первостепенной политической новостью, известный предприниматель Борис Березовский захотел создать «христианскую революционную партию». Правда, опыт борца должен был подсказать преуспевающему политическому авантюристу несколько более тернистый

путь. Ради чаемого одновременного ослабления светской и духовной власти в Московском царстве, оставленном им в недалеком прошлом как раз на попечение новоизбранного президента, британский подданный мог бы взойти на провозглашение Лондонской автокефалии русской православной церкви с одновременным избранием себя на пост, скажем, папы Лондонского и всея Друри-Лейн. Тут чем стебнее, тем революционнее. Возможно, такое решение даже отвлекло бы карательные органы Российской Федерации от преследования Бунтующих Пиписек, а остальные россияне чуть-чуть разбавили бы свою злобу чистым смехом.

Главное — избежать того, что иногда описывают устойчивым словосочетанием «бессильная злоба». Его охотно применяют политики и СМИ, когда, например, террорист взорвал бомбу и убил несколько десятков человек. Говорят, что он действовал «в бессильной злобе». Противоречие между желаемым и действительным достигает в этом высказывании предельного выражения: его значение, собственно, прямо противоположно интенции, или тому, что хотел, как ему кажется, сказать говорящий. «Бессильная злоба» настолько сильна, что вместе с источником уничтожает и самого испытывающего злобу. Так вот, человек, призывающий покарать кого-то за кощунство, да и вообще за любое состоявшееся символическое действие, и испытывает в момент гнева самую настоящую «бессильную злобу».

Применение максимально суровой кары позволит «бессильно злобствующему» в первый момент даже испытать исключительно сильное чувство исполненного долга. Еще бы, ведь он может считать, что это порошинка его ненависти была использована для залпа из государственного оружия. Хорошо описаны, однако, и последующие психические процедуры, приводящие к саморазрушительным событиям, из которых ни для кого не остается выхода.

Сейчас официальное российское правосудие захватило Бунтующих Пиписек в заложницы. Возможно, науськивающих на террор по отношению к ним и не намного больше, чем людей добрых и понятливых. Но кондурация происходит незаметно, а мозгами многих все еще правят старые формулы про беспощадность к врагам и к бешеным собакам.